

*М. Я. Дымарский***АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
Институт лингвистических исследований РАН, Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

Рассматриваются понятия высказывания, частновидового значения, аспектуальной ситуации. Утверждается, что в общей теории высказывания аспектуальность должна занять место среди основных неотъемлемых признаков модели высказывания. Предлагается система доказательств, включающая анализ частновидовых значений и их представления в аспектологических работах, а также анализ примеров, показывающий, что не форма вида предопределяет частновидовое значение высказывания, а, наоборот, аспектуальное значение высказывания, вместе с другими факторами, предопределяет использование той или иной видовой формы. Библиогр. 20 назв.

Ключевые слова: высказывание, частновидовое значение, аспектуальность.

ASPECTUALITY AS AN UTTERANCE CATEGORY*Mikhail Dymarsky*

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, River Moyka emb., Saint Petersburg, 191186, Russian Federation
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 9, Tuchkov per., Saint Petersburg, 199053, Russian Federation

The paper discusses the notions of utterance, particular aspect meaning, and aspectual situation. The author argues that in the general theory of utterance the category of aspectuality should be put among the basic and inalienable features of the utterance pattern. It introduces a system of evidence including an analysis of the particular aspect meanings and their representations in the works on aspectology. Also, it provides a case study to show that the particular aspect meaning, rather than verbal aspect form, determines the type of particular aspect meaning of an utterance, i.e. the aspectual meaning of the utterance in whole, together with other factors (such as type of communicative intention, type of speech genre, temporal characteristics, type of subject etc.), predicts the use of one or another verbal aspect form. Refs 20.

Keywords: utterance, particular aspect meaning, aspectuality.

Татьяна в лес, медведь за нею;
Снег рыхлый по колено ей...
А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Обычно частные значения совершенного и несовершенного видов (далее — СВ и НСВ) трактуются как «результат взаимодействия категориальных (общих) значений видовых форм глагола и элементов среды (как парадигматической, так и синтагматической)» [1, с. 114]. При этом подчеркивается, что «видовая форма — лишь один из участников выражения изучаемых значений», что «отличия одного значения... от другого определяются именно элементами среды» и что «поэтому рассматриваемые семантические комплексы лишь условно могут быть названы значениями форм СВ и НСВ» [Там же].

За этой трактовкой стоит целая традиция, причем в работах А. В. Бондарко (и его учеников), М. Я. Гловинской, Е. В. Падучевой, М. А. Шелякина и др. она существенно развита и детализирована. Тем не менее поле для дискуссий сохраняется. Ключевым представляется вопрос: что является источником и средством выраже-

ния тех семантических комплексов, которые именуются частными видовыми значениями?

В аспектологической литературе наиболее распространен «формоцентрический» подход к решению этого вопроса: источником является видовая форма, поскольку без этой формы невозможно выражение названных семантических комплексов. Признается возможность и другого подхода — не «от формы», а от семантики, и в этом случае на первый план выводится предложенное А. В. Бондарко понятие аспектуальной ситуации [Там же]. Однако и в таком варианте глагольная форма признается главным средством выражения частных видовых значений. Согласно А. В. Бондарко, роль *среды* по отношению к категории вида, т. е. роль факторов, которые в совокупности с видовыми формами выражают «частновидовые значения», играют а) лексические значения глаголов; б) способы действия и лексико-грамматические разряды предельных/непредельных глаголов; в) глагольные категории времени, наклонения, лица, залога; г) «элементы окружения данной формы, образующие аспектуально значимый контекст; это понятие охватывает, в частности, другие глагольные формы (любые формы сказуемого), выступающие в данном предложении или соседних предложениях, обстоятельственные показатели типа *постепенно, вдруг, часто*, подлежащее и дополнение со значениями конкретности/неконкретности субъекта и объекта» [Там же, с. 111–112]. Тот факт, что элементы синтаксической организации высказывания (пункт (г)) оказываются в этой интерпретации в числе элементов среды, выразительно подчеркивает мысль о первичности глагольной формы для реализации того или иного частного видового значения.

Между тем представляется возможным иное осмысление проблемы. Частное видовое значение — это существенная характеристика языковой интерпретации не действия/состояния, а ситуации, отображаемой высказыванием в целом. Естественно предположить, что частное видовое значение — это, соответственно, значение, принадлежащее не видовой форме, а целому высказыванию. Сходные соображения в разное время и в различных вариантах уже высказывались в работах [2–5] (перечень, разумеется, неполный). В частности, Х. Р. Мелиг, рассматривая семантические классы русских глаголов (с опорой на классификацию З. Вендлера), вводит в указанной работе подпараграфы, озаглавленные по модели «[Семантика глагольного класса] как семантический признак предложения» [4, с. 235, 241, 246]; каждому такому подпараграфу соответствует подпараграф с заголовком вида «[Семантика глагольного класса] как семантический признак глагольной лексики» [Там же, с. 233, 239, 244]. В работе [6] Х. Р. Мелиг подчеркивает, что понимание и употребление глагольного предиката, и в частности интерпретация предикации как «гибридной», «не является вопросом только семантики глагола» [6, с. 222]. Еще в одной работе исследователь развивает мысль, что «строгое разграничение семантики описания ситуаций, с одной стороны, и семантики категории вида, с другой стороны, имеет огромное значение» [7, с. 603].

Вместе с тем в работах названных ученых близкая нам мысль формулировалась без обращения к понятию высказывания в оппозиции «предложение как языковая синтаксическая модель — высказывание как реальная коммуникативная единица речи».

Целостная теория высказывания в русистике пока отсутствует. Высказывание как факт речи изучено недостаточно, и вопрос о его моделируемости, в отличие от

моделируемости предложения, еще далек от своего решения. Однако можно полагать, что это вопрос времени, так как имеющиеся исследования — от известных трудов И. И. Ковтуновой до монографии Т. Е. Янко [8], от опередивших свое время работ Е. Н. Ширяева [9] и Ю. В. Ванникова [10] до книг В. Ю. Меликяна [11]¹ — позволяют обосновать положение о существовании **синтаксической модели высказывания** (подробнее см. [13]).

Под высказыванием будем понимать, вслед за Н. Ю. Шведовой, «любой линейный отрезок речи, в данной речевой обстановке выполняющий коммуникативную функцию и в этой обстановке достаточный для сообщения о чем-либо»; при этом «признаками, общими для всех высказываний, являются: 1) организация формами слов — одной или несколькими, грамматически между собою связанными; 2) функция сообщения (коммуникативная); 3) интонация сообщения: повествование, побуждение, вопрос и т. д.; 4) способность соединяться с другими высказываниями в составе текста» [14, с. 83–84].

Под синтаксической моделью высказывания будем (упрощенно) понимать комплекс, формируемый а) структурной схемой предложения (высказывания, не обеспеченные структурной схемой, здесь по очевидным причинам не рассматриваем), б) типовой функцией в контексте и обусловленным ею распространением схемы, в) актуальным членением, г) интонационными характеристиками, д) коммуникативными осложнителями (вводно-модальными компонентами, обращениями). Ниже мы намерены показать, что именно модель высказывания в ряде случаев (говоря осторожно) играет ведущую роль в выражении семантических комплексов, называемых частными видовыми значениями, поэтому аспектуальное значение, наряду с перечисленными, также составляет ее обязательный признак.

Следует прежде всего подчеркнуть, что от понимаемой указанным образом модели высказывания может зависеть не только «частновидовое значение», но и выбор вида. Простейший случай такой зависимости можно продемонстрировать следующим примером. Пусть имеется высказывание: *В коридоре кто-то негромко кашлял* (1). Заменяем в нем форму НСВ на форму СВ: *В коридоре кто-то негромко кашлянул* (2). Что такое (2) — трансформ (1), его разновидность, модификация² или другое высказывание? Так называемой конкуренции видов здесь быть не может: (1) и (2) ни в каких контекстах не могут заменять друг друга. Сферы функционирования (1) и (2) явно различны: (1) может появиться при описании длящейся конкретной или узуальной ситуации (и потому оно легко распространяется соответствующими обстоятельствами: *весь этот час, все утро; обычно, по утрам*), в то время как (2) может появиться только в динамическом контексте (и потому легко распространяется обстоятельствами типа *вдруг, тут, в этот момент*). Невзаимозаменяемость, разные типовые функции в контексте и различное потенциальное распространение — все это говорит о том, что перед нами два *разных* высказыва-

¹ Перечень, безусловно, неполон. Если бы ставилась задача обзора работ по теории высказывания, следовало бы назвать также работы Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, С. А. Крылова, Е. В. Падучевой, Л. А. Пиотровской, И. А. Шаронова и ряд других, но это не изменило бы высказанной общей оценки. Сравнительно развернутый обзор литературы по этой теме см. в нашей работе [12].

² Под трансформом некоторого высказывания подразумевается такая его модификация, которая не затрагивает базовых параметров модели (а–д), перечисленных выше.

ния, за которыми стоят *разные* модели (повторим: речь идет о моделях высказывания, а не о структурных схемах простого предложения). Кстати, введение любого из названных обстоятельств демонстрирует этот факт с полной очевидностью. И не вид определяет модель высказывания, а наоборот: достаточно сказать «Обычно в коридоре кто-то негромко...», чтобы модель высказывания была определена — и однозначно предопределено использование НСВ.

Размышляя о «частновидовых значениях», стоит обратить внимание на примеры, которыми оперируют аспектологи. А.В.Бондарко различает у СВ четыре частных значения: конкретно-фактическое (основное значение СВ), наглядно-примерное, потенциальное и суммарное [1, с.114–115]. Потенциальное значение иллюстрируется примером *Он и не такое напишет* (3), т.е. ‘он и не такое способен написать’.

Попытаемся отвлечься от конкретной глагольной формы и представить себе другие возможные продолжения для начала *Он и не такое...* (3.0):

- (3.1) ...*может/мог написать*;
- (3.2) ...*видел/слышал/пробовал//испытывал/проходил*;
- (3.3) ...*еще сделает/напишет/построит*;
- (3.4) ...*будет еще делать/писать/затеивать*.

Ясно, что значение потенциальности обнаруживается не только в (3.1), где оно выражено лексически, но и в (3.2) (в котором имплицитруется смысл ‘сможет не удивиться/выдержать испытание’), и в (3.3) и (3.4), где подчеркивается, помимо прочего, *способность* субъекта к свершениям еще более ярким, нежели то, к которому отсылает местоимение *такое*. А коль скоро это так, то из чего исходит значение потенциальности: из видовой формы или из модели высказывания? Первый ответ следует отклонить уже потому, что, как видно из (3.1–3.4), здесь возможна замена СВ на НСВ, или «конкуренция видов», при сохранении значения потенциальности. Второй же ответ не только несравненно предпочтительнее, но дополнительно поддерживается тем, что начало (3.0) не допускает продолжения с введением другого модального квалификатора: **Он и не такое должен написать*. Между тем в примере (3) присутствует только один из «элементов окружения» глагольной формы, названных у А.В.Бондарко «образующими аспектуально значимый контекст», — подлежащее с конкретным денотатом (следует заметить, что конкретная референция имени в позиции подлежащего для реализации потенциального значения необязательна — ср.: *Человек еще и не такое может сделать со своим ближним*). В реальности же потенциальное значение возникает благодаря в высшей степени характерному экспрессивному переносу рематического элемента *и не такое* с объектным значением (с акцентирующей частицей *и*) из нормативной постглагольной в предглагольную позицию, причем отрицание *не такое* четко определяет место высказывания этого типа в контексте и его назначение: оно может только следовать за высказыванием, сообщаящим о чьем-либо неожиданном для говорящего (адресанта этого предшествующего высказывания) поступке, и предназначено для заверения собеседника в том, что мера неожиданности в обсуждаемом случае отнюдь не столь велика, так как способности обсуждаемого лица значительно больше. Именно модель высказывания, а не видовая форма является источником значения потенциальности.

Мы не случайно выбрали в качестве примера одно из «частных значений» СВ. «Система частных значений СВ имеет **компактную** моноцентрическую структуру» [1, с. 117], и если эта система на проверку оказывается системой частных значений высказываний, то можно ожидать, что в сфере НСВ мы столкнемся с еще более очевидным проявлением того же, поскольку «система частных значений НСВ отличается структурой **диффузной**, слабо централизованной» [Там же]. В самом деле, непредвзятый взгляд на примеры, иллюстрирующие четыре из семи «частных значений НСВ», показывает, что значение исходит не из глагольной формы, которая в этих примерах одна и та же, а из модели высказывания: (4) *Я писал письмо, когда он вошел* (конкретно-процессное); (5) *Я часто ему писал* (неограниченно-кратное); (6) *Кто это писал?* (обобщенно-фактическое); (7) *Я писал ему дважды* (ограниченно-кратное) [1, с. 116].

Убедительность рассуждений о «частновидовых значениях» не в последнюю очередь связана с эффективностью подобных серий примеров, когда одна и та же глагольная форма последовательно помещается в разные «контексты», в которых с очевидностью «выражает» разные значения. Логика, однако, подсказывает: если «средство выражения» наполняется различными значениями в зависимости от того, какие факторы ему сопутствуют, то это означает амбивалентность данного средства по отношению к данному значению, т. е. попросту отсутствие связи между данным средством и данным значением. Авторы аспектологических работ имеют сильный аргумент против применения этого рассуждения к учению о «частновидовых значениях»: они доказывают, и убедительно, что «частновидовые значения» внутри каждого из видов имеют общее ядро и производны от основного или от других частных значений [1, с. 114–115, 117–120; 13, с. 24–31 и др.], поэтому речь идет вовсе не о таких различиях, которые давали бы основание ставить вопрос об амбивалентности. Спорить с этим не приходится, так как ядро — общее видовое значение глагольной формы — имеется в любом глагольном высказывании. И все же для того, чтобы утверждение о *ведущей* роли видовой формы в выражении обсуждаемых значений не выглядело натянутым, требуется доказать, что сам «контекст», т. е. высказывание, не способен выразить данное значение без данной формы. Рассмотрим с этих позиций высказывания (4–7).

Придаточное времени введено в (4) не случайно: в отличие от менее выразительных темпоральных детерминантов, оно однозначно отменяет трактовку высказывания как сообщения о *факте* — в пользу его прочтения как описания *конкретной ситуации*. Уже одним этим исключается возможность в данном высказывании всех остальных «частных значений» НСВ (**Я часто писал жене, когда он вошел*, **Я писал ей дважды, когда он вошел* и т. п.), не говоря уже о реляционном (*Преобладают явления иного рода*), потенциально-качественном (*Он прекрасно пишет*) и нейтральном (*Я хочу спать*) значениях (в скобках приведены примеры А. В. Бондарко [1, с. 116]).

Можно, впрочем, представить себе фразу

(8) *Я хотел спать, когда он вошел*³

³ Подразумевается значение состояния, а не намерения (не ‘собирался лечь спать’, а ‘испытывал сонливость’).

при вполне нормативном *Я спал, когда он вошел*, где имеем конкретно-процессное значение), однако эта возможность несколько не влияет на нашу интерпретацию. Нейтральное значение не случайно дополнительно характеризуется как «неквалифицированное» [Там же]. От реляционного значения его, судя по примерам, отличает только характер субъектов и объектов, отношения между которыми описывает глагольная форма: если в качестве субъектов выступают отвлеченные понятия, то констатируется реляционное значение, если же субъект — лицо, то констатируется нейтральное значение, хотя в обоих случаях речь идет об *отношениях* (ср. еще примеры нейтрального значения у А. В. Бондарко: *Я вам верю; Он не может ждать* [Там же]). Грамматический смысл двух последних высказываний, как и *Я хочу спать*, заключается в сообщении об отношении субъекта-лица к некоторому состоянию либо к другому лицу. Лексические значения глаголов отношения, по-видимому, плохо сочетаются с семантикой временной локализованности, как и с семантикой предела, и можно полагать, что именно в этом источник характеристики «частновидового значения» в подобных высказываниях как «нейтрального» и «неквалифицированного». Вот почему, даже согласившись с допустимостью (8), невозможно принять высказывания **Я вам верил, когда он вошел, *Я не мог ждать, когда он вошел*. Они могут стать осмысленными только в том случае, если в них ввести обстоятельственные показатели, вносящие значение предела и тем самым имплицитно информацию о предшествующем или последующем изменении обозначаемого отношения (не об исчерпанности его, а именно изменении под влиянием некоторых внешних, не входящих в собственную структуру отношения факторов):

(9) *Я уже не мог ждать, когда он вошел;*

(10) *Я еще вам верил, когда он вошел.*

Заметим, что введение подобных обстоятельств — отнюдь не «мелочь», оно явно изменяет модель высказывания и его функцию в контексте: статально-релятивное значение модели меняется на релятивно-динамическое (обстоятельства указывают на продвижение по временной оси)⁴, добавляется значение противопоставления, которое может быть эксплицировано в сочетании с последующим высказыванием (...*А теперь больше не верю*), но имплицитно присутствует и без него. И, что наиболее важно, столь существенное изменение высказывания не влечет изменения «частновидового значения»: хотя обстоятельства *еще* и *уже* типичны для высказываний именно с конкретно-процессным значением (ср.: *Я еще писал письмо, когда он вошел*), в (9)–(10) это значение констатировать невозможно, этому препятствуют лексические значения глаголов, сохраняющие релятивный характер. Попытка насильственного сочетания таких глаголов с фазовыми глаголами с це-

⁴ При этом в семантических структурах глагола и высказывания происходит важное изменение. Релятивные глаголы в принципе двухактантны (*Х относится к Y*), и сирконстантная валентность для них факультативна (*Я вас люблю — Я давно вас люблю*). Но как только такой глагол оказывается в высказывании релятивно-динамической семантики, сирконстантная валентность становится обязательной (придаточное в примерах (9)–(10)). В результате происходит перераспределение смысловых акцентов в высказывании: наряду с акцентом на релятивном глаголе появляются еще два — на обстоятельном компоненте и на подразумеваемом или выраженном противопоставлении. Семантическая структура высказывания заметно осложняется, и при этом роль глагола в ее реализации становится меньшей.

лью придания им конкретно-процессного значения ведет к созданию высказывания, которое воспринимается либо как нонсенс, либо как шутка, языковая игра: *Я заканчиваю глубоко уважать вас* — при вполне естественном *Я заканчиваю писать письмо*⁵.

Таким образом, некоторые «частновидовые значения», по сути дела, сводятся к семантическому инварианту глаголов определенной лексико-семантической группы — именно таковы «реляционное» и «нейтральное» («неквалифицированное») значения НСВ. Этим фактом объясняется то, что глаголы отношения, в отличие, скажем, от глагола *писать*, неспособны выражать другие «частновидовые значения» даже в составе высказываний, специально предназначенных для выражения этих других значений (9–10), или вообще не могут входить в высказывания определенных моделей (**В течение матча армейцы дважды преобладали на поле*; **Студенты часто уважали любимого профессора*). Думается, что представлять в таких случаях лексическое значение глагола в качестве «среды», интерпретирующей категориальное значение видовой формы [Там же], попросту излишне.

Вернемся к примерам (4)–(7). Если вывести из рассмотрения глаголы отношения и так называемые стативные глаголы, а вместе с ними и глаголы обобщенного состояния (*generic states*), занятия (*править, царствовать, помыкать, странствовать* и др.), которые, вслед за З. Вендлером, перечисляет Е. В. Падучева [15, с. 28–29], — вывести потому, что для глаголов этих групп «актуальное значение исключено в силу их лексического значения» [Там же: 28], — то станет ясно, что как в (4), так и в остальных случаях «частновидовые значения» задаются моделью высказывания и беспрепятственно выражаются при условии использования глагола, допускающего «актуальное значение». (Именно поэтому возможно иллюстрировать список этих значений примерами с одним и тем же глаголом, а для иллюстрации «реляционного» и «нейтрального» значений приходится подбирать примеры с другими глаголами.)

Для доказательства нашего утверждения превратим каждое из рассматриваемых высказываний в неполное (без глагольной формы) и поместим его в контекст, проясняющий лексическое значение опущенного глагола, но не указывающий явным образом на «частновидовое значение»:

(5) *Я часто ему писал* (неограниченно-кратное);

(5.1) *Да ты за все это время хотя бы раз написал жене? — Что ты, конечно, я ей часто...*

Независимо от наличия конкретной глагольной формы, высказывание выражает неограниченно-кратное значение, причем лексическое значение легко восстанавливаемого глагола определяется контекстом, а вид и «частновидовое значение» (подчеркнем, отсутствующей формы) — исключительно моделью высказывания. Последняя в данном случае обязательно включает либо обычное обстоятельство, либо еще более сильный детерминант, лексически выражающие значение неквантифицированной итеративности — ср. еще примеры А. В. Бондарко: *Каждый день*

⁵ Возможны фразы *Я начинаю/продолжаю глубоко уважать вас*, но в них конкретно-процессного значения, тем не менее, нет; фазовые глаголы здесь играют ту же роль, что и наречия *по-прежнему, еще, уже*, т. е. указывают не на фазу отношения, а на его изменение или отсутствие такового.

он медленно поднимался по лестнице; Я часто замечал...; Обычно дети легко решали все задачи [1, с. 119].

(7) Я писал ему дважды (ограниченно-кратное).

Аналогичное использование выбранного нами приема при сохранении данного глагола приводит к конкуренции видов:

(7.1) — Ты за это время хотя бы раз написал жене? — Что ты, конечно, я ей дважды...

При восстановлении опущенного глагола здесь равновероятны формы СВ и НСВ. Однако замена глагола дает удовлетворительный результат:

(7.2) — Ты за эту ночь хотя бы раз встал к ребенку? — Я зато вчера пять раз!..;

(7.3) — Почему же вы мне не позвонили, не предупредили? — Что вы, я вам три раза...

Как видим, и здесь модель высказывания задает и вид, и «частновидовое значение». Что же касается возможности конкуренции видов (НСВ писал и СВ написал в «суммарном» значении в примере (7.1)), то она, полагаем, объясняется особенностями лексического значения конкретного глагольного корня.

(6) Кто это писал? (обобщенно-фактическое).

Как известно, обобщенно-фактическое значение НСВ особенно часто конкурирует с конкретно-фактическим значением СВ. Из эксперимента с примером (7) видно, что глагол *писать* легко провоцирует конкуренцию видов. Однако и здесь замена глагола (и ситуации) дает удовлетворяющий нас результат:

(6.1) — Был звонок? Один? А кто — не спросила? Голос не узнала? Жаль... Кто бы это мог позвонить так поздно? Сергей — нет... Игорь... вряд ли. Кто же это..?

Очевидно, что восстановление формы СВ *позвонил* в данном случае почти невероятно, в отличие от НСВ *звонил*. Ср. еще:

(6.2) — Вас разве не нашли? Я сказала, что вы в 19-й... — А что, меня кто-то... а впрочем, не нашли — и хорошо...

Ясно, что обобщенно-фактическое значение в этих примерах задается не столько моделью высказывания, сколько типом ситуации, которую высказывание отображает, тем не менее оно в выделенных высказываниях прочитывается однозначно — при опущенном глаголе. Сам же факт связи «частновидового значения» с типом ситуации лишь подтверждает нашу мысль о том, что это значение принадлежит в первую очередь не глагольной форме, а высказыванию, ибо ситуация отображается в речи именно высказыванием — и, как видно из примеров, не обязательно содержащим глагольную форму. Ср. еще один пример и его трансформацию:

(6.3) Где мои ключи? Они лежали на столе (пример из [15]);

(6.4) — Где мои ключи? Они же с утра вот здесь, на столе... а теперь их нет... Куда вы их подевали?

Наконец, потенциально-качественное значение:

(11) Он прекрасно пишет (пример из [1]).

Здесь обращает на себя внимание наречие качественной оценки, входящее в типовую модель высказывания именно в предглагольной позиции (при нейтральном порядке слов), — ср. хрестоматийный пример: *Жаль, очень жаль! Он малый с головой, И славно пишет, переводит...* (А. С. Грибоедов). С одной стороны, прибегать в данном случае к приему трансформации представляется излишним, поскольку очевидно, что ситуация характеристики лица и модель высказывания однозначно предопределяют только данную глагольную форму и только данное «частновидовое» значение. В трансформах этой модели, вызванных экспрессивизацией и/или контрастом, происходит частичное перераспределение коммуникативных ролей, но функция характеристики лица в варианте потенциально-качественного значения сохраняется. Ср. трансформы с глаголом в роли второй контрастной темы (12) и со вторым рематическим акцентом на наречии (13):

(12) *Пишет он прекрасно* [а вот переводит — плохо];

(13) *Он пишет просто замечательно!*

Однако, с другой стороны, начала типа *Он прекрасно...* легко допускают продолжения типа ...*написал* (*сыграл, пробежал* и т. п.) с глаголами СВ. Значение качественной характеристики (уже не лица, а его действия) в этом случае сохраняется, но компонент потенциальности исчезает, сменяясь конкретно-фактическим значением.

Как следует интерпретировать этот факт? Одно из возможных решений: в высказываниях рассматриваемого типа качественно-характеризующее значение вносится наречием, и связывать это значение с глагольной формой не следует. При использовании формы НСВ общее значение высказывания приобретает потенциальный оттенок, при использовании СВ такого оттенка, естественно, нет.

Однако такому решению препятствует тот факт, что наречия в качественно-характеризующих высказываниях на самом деле необязательны. Ср. типичные высказывания в той же функции и с тем же значением:

(14) — *И шьёт.* — Да. — *И готовит.* — Да. — *И печатает.* — Да. — *И стирает.* — Да. — *И спасает.* — Да. — *И мучает.* — *И лю-юбит!* Где ты ещё себе такую найдёшь? (А. Володин. «Осенний марафон»).

Пример (14) может подвести к предположению, что отсутствие наречий компенсируется сериальностью характеристики, выраженной формами НСВ. Но и сериальность отнюдь не обязательна:

(15) *Как вы можете бить эту лошадь, она же разговаривает!* (Из анекдота; в момент произнесения реплики лошадь молчит.)

См. также следующий пример, в котором сочетаются глаголы в сопровождении наречий и без них:

(16) *Что же это был за человек — лейтенант Шмидт Петр Петрович? Русский интеллигент, умница, храбрый офицер, профессиональный моряк, артистическая натура... Он пел, превосходно **играл** на виолончели, **рисовал**, а как он **говорил!*** (Г. Полонский. «Доживем до понедельника»).

Аналогичным образом и высказывания с глаголами СВ могут иметь качественно-характеризующее значение в отсутствие наречий, если они используются в контексте, в целом направленном на качественную характеристику лица:

- (17) *Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он **взял** Париж, он **основал** Лицей.*
(А. С. Пушкин. «19 октября 1825 г.»)

Получается, что элементы среды, во взаимодействии с которыми, по мысли А. В. Бондарко, видовые формы выражают «частновидовые» значения, в случае потенциально-качественного значения сводятся к лексическому значению глагола и типовому значению высказывания. Иначе говоря, целесообразность выделения потенциально-качественного значения как одного из частных значений НСВ может быть поставлена под вопрос: ведь речь идет прежде всего о взаимодействии лексического значения глагола (а не видовой формы) с типовым коммуникативным заданием высказывания. Последнее диктует выбор глагольных лексем, обозначающих такие действия, способность к осуществлению которых, по мнению говорящего, характеризует человека (или предмет). Выбор же вида определяется в конечном счете темпоральной перспективой высказывания, точнее — отношением характеризуемого лица к приписываемому ему действию. Если последнее мыслится как некоторое свершение, достижение, избирается СВ; при желании в этом случае можно говорить о качественно-характеризующей разновидности конкретно-фактического значения СВ⁶. Если же действие мыслится как узуальное (мера обобщенности может колебаться), то избирается форма НСВ — и тогда целесообразно говорить о качественно-характеризующей разновидности обобщенно-фактического значения НСВ. При этом из общей задачи характеристики лица вытекает и особенность временного плана рассматриваемых высказываний: как в случае настоящего, так и в случае прошедшего времени НСВ это расширенный план, исключающий референцию глагольной словоформы к конкретному действию. Ср. тонкий контраст двух ситуаций: со значениями «типичного действия» (с признаком временной не локализованности) и «конкретного единичного действия/состояния» (локализованного в плане расширенного настоящего), по И. Н. Смирнову [16, с. 9]:

- (18) *Кокетка судит хладнокровно, / Татьяна любит не шутя* (А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», гл. 3, XXV).

Очевидно, что «повторяемость и обычность, типичность обозначаемых действий» являются «основой качественной характеристики субъекта» [16, с. 16], т. е. основой потенциально-качественного значения, только в первом случае; применительно же к Татьяне речь идет о конкретном состоянии, рассуждения о повторяемости которого были бы неуместны. Но парадокс в том, что качественная характеристика — возможно, благодаря контрасту — прочитывается и во втором

⁶ Возможна и форма будущего времени: *А впрочем, он **дойдет** до степеней известных, / Ведь нынче любят бессловесных* (А. С. Грибоедов. «Горе от ума»). В этом высказывании контаминированы значения предсказания и качественной характеристики.

случае. Важно, что в первом случае (*судит*) значение потенциальности возникает у формы НСВ благодаря временной нелокализованности, типичности обозначаемого действия, а эти признаки не получают в (18) никакого выражения. Они «прочитываются» из контекста или, наоборот, из отсутствия такового. Форма НСВ, таким образом, 1) не является главным условием для возникновения качественного компонента рассматриваемого значения (этот компонент может возникать и в высказываниях с формами СВ, 2) не является главным источником семантического компонента потенциальности.

Таким образом, мы выяснили, что модель высказывания или способна выразить любое из «частновидовых значений» НСВ без участия глагольной формы, или играет решающую роль в формировании такого значения. Следовательно, считать глагольную форму обязательным и центральным средством выражения этих значений вряд ли обоснованно, тем более что и выбор вида в ряде случаев однозначно предопределяется моделью высказывания. Собственно видовое значение выражается глагольной формой, но требование определенного видового значения и «частного видового значения» исходит из модели высказывания.

Приведенные рассуждения не следует воспринимать как попытку «напасть» на учение о глагольном виде. Тезис о том, что **категориальные значения видов принадлежат глагольным формам**, оспаривать бессмысленно. Но вот термин «частное видовое значение» требует, на наш взгляд, коррекции. Ее возможность предусматривает и сам А. В. Бондарко, когда пишет о двух подходах к этой проблеме: формоцентрическом и «исходно-семантическом», при котором «может быть использован термин “аспектуальная ситуация” (ср. процессные ситуации, ситуации обобщенного факта и т. п.)» [1, с. 114]⁷. Однако глубина коррекции должна быть иной: понятие аспектуальной ситуации, в его оригинальной трактовке, лишь опосредованно связано с синтаксической моделью высказывания, между тем именно эта синтаксическая модель, как мы пытались показать, может играть определяющую роль в возникновении того семантического комплекса, который называют «частновидовым значением», тем самым прикрепляя этот семантический комплекс прежде всего к видовой форме.

Более того, аспектуальная характеристика свойственна и так называемым «безглагольным» высказываниям (этот термин приемлем, если не считать формальную связку глаголом). А. В. Бондарко в свое время предложил понятия темпорального, персонального, модального и др. ключей текста [18, с. 41–42]. Вероятно, в сходном смысле можно говорить и об аспектуальном ключе текста, так как аспектуальная категориальная ситуация, как правило, не замыкается рамками одного предложения, а формирует более широкий контекст:

- (19) ...Свобода —
это когда забываешь отчество у тирана,
а слюна во рту слаще халвы Шираза,
и хотя твой мозг перекручен, как рог барана,
ничего не каплет из голубого глаза.
(И. Бродский)

⁷ Интересный опыт реализации второго подхода см. в [17].

Предикативный компонент сложной конструкции *а слюна во рту слаще халвы Ширази* представляет собой «безглагольное» предложение, однако оно отнюдь не лишено аспектуальной характеристики, которая, как очевидно, тождественна аспектуальной характеристике всего сложного высказывания. Нет необходимости пояснять, что пример (19) не представляет никакой аномалии; ср. также эпиграф.

«Форма глагольного вида — лишь одно из средств выражения изучаемых значений, — указывает А. В. Бондарко. — Важную роль в их выражении играют элементы контекста и речевой ситуации. Поэтому рассматриваемые семантические комплексы лишь условно могут быть названы значениями форм СВ и НСВ. Вместе с тем сочетания “частные значения СВ”, “частные значения НСВ” закономерны, поскольку с формой СВ связаны одни значения, а с формой НСВ — другие» [19, с. 23]. С наших позиций, последнее положение может быть переформулировано: одни аспектуальные значения высказывания требуют формы НСВ, а другие — формы СВ. Например, в (19) генеритивный регистр текстового фрагмента (Г. А. Золотова) в соединении с обобщенно-личным замыслом высказывания однозначно задают план настоящего гномического, аспектуальное значение приобретает нейтрально-реляционный характер (промежуточный между нейтральным и реляционным в силу того, что субъект мыслится обобщенно, но не представляет собой отвлеченного понятия), — и все эти факторы вместе определяют форму НСВ (в том случае, если в высказывании присутствует финитный глагол).

Стоит внимательнее приглядеться к различным спискам обсуждаемых значений (в работах А. В. Бондарко, М. Я. Гловинской, Е. В. Падучевой, О. П. Рассудовой, М. А. Шелякина и многих др.), чтобы увидеть, что это не столько перечни частных видовых значений глагольных форм, сколько семантическая типология высказываний или, во всяком случае, детально разработанная основа для такой типологии. Конкретная процессность, ограниченная или неограниченная кратность, общефактичность, реляционность, потенциальная качественность, конкретная фактичность, потенциальность — все это значения, свойственные **типу ситуации в его языковой интерпретации** и характеризующие не действие, или состояние, или процесс вообще, а высказывание, ибо, повторим, ситуация отображается и интерпретируется в речи не глаголом, а высказыванием, и роль глагольной формы при этом может быть, как мы стремились показать, далеко не ведущей. Безусловно, семантика высказывания не сводится к аспектуальному значению, она несравненно сложнее и богаче, но это значение составляет существеннейший ее компонент и, как мы видели, привлекает для своего выражения самые разные элементы структуры высказывания.

Исследования в области синтаксиса речи — области со своей, особой системностью [20], со своей единицей (высказыванием) — все еще находятся в начальной стадии. Целостная теория высказывания как особого явления, несводимого ни к одному из своих частных аспектов (структурная схема предложения, актуальное членение и др.) и возникающего в качестве результирующей сложнейшего взаимодействия этих аспектов, — такая теория еще не создана. Однако можно думать, что **аспектуальность — это одна из специфических комплексных грамматико-семантических категорий, присущих именно высказыванию** (не предложению как модели). Если это так, то будущие исследователи синтаксиса речи еще не раз скажут

спасибо аспектологам, которые, исследуя семантику и функционирование русского глагола, заложили один из опорных камней в фундамент теории высказывания.

Литература

1. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996. 219 с.
2. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы высказываний. М., 1982. С. 7–85.
3. Всеволодова М. В. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова (Закон семантического согласования, валентность, глагольный вид) // Труды аспектологического семинара филол. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1997. Т. 1. С. 19–36.
4. Мелиг Х. Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов З. Вендлера) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 227–249.
5. Смит К. Двухкомпонентная теория вида // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 404–422.
6. Mehlig H. R. Hybrid Predicates in Russian // Journal of the Slavic Linguistic Society. Slavica Publishers Indiana University, 2012. Vol. 20, N 2. P. 171–227.
7. Mehlig H. R. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке // Revue des Études slaves. Paris, 1994. LXVI / 3. P. 585–606.
8. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001. 384 с.
9. Ширяев Е. Н. Об основной синтаксической единице разговорного языка // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 130–132.
10. Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979. 294 с.
11. Меликян В. Ю. 1) Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь. Ростов н/Д, 1999. 200 с.; 2) Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: теория нечленимого предложения. Ростов н/Д, 2002. 243 с.
12. Дымарский М. Я. Высказывание и коммуникативность // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры: коллект. моногр. / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 2005. С. 292–332.
13. Дымарский М. Я. От моделей предложения — к моделированию высказывания // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов (Минск, 2013): Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 308–330.
14. Шведова Н. Ю. (ред.) Русская грамматика. Т. II: Синтаксис. М., 1980. 709 с.
15. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996. 464 с.
16. Смирнов И. Н. Конкретность/обобщенность ситуации в семантике аспектуально-темпоральных категорий (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2011. 42 с.
17. Матханова И. П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке. Новосибирск, 2001. 138 с.
18. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 133 с.
19. Бондарко А. В. Аспекты анализа глагольных категорий в системе функциональной грамматики // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: сб. материалов конференции, 9–12 апреля 2013 г. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 22–26.
20. Ильенко С. Г. Синтаксические единицы в тексте. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1989. 82 с.

References

1. Bondarko A. V. *Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii* [Problems of grammatical semantics and Russian aspectology]. St. Petersburg, 1996. 219 p. (In Russian)
2. Bulygina T. V. [Towards the typology of the predicates in the Russian language]. *Semanticheskie tipy vyskazyvaniy* [Semantic types of the utterances]. Moscow, 1982, pp. 7–85. (In Russian)
3. Vsevolodova M. V. [Aspectually important lexical and grammatical semes of the Russian verbal words (The law of collocation, valency, verbal aspect)]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filol. f-ta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of the seminar on aspect in the Philological Faculty, MSU named after M. V. Lomonosov]. Moscow, 1997, Vol. 1. (In Russian)

4. Mehlig H. [Semantics of the sentence and semantics of the aspect in the Russian language (Towards the classification of the verbs by Z. Vendler)]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XV. Sovremennaiia zarubezhnaia rusistika* [New in the foreign linguistics. Issue XV. Modern foreign Russian studies]. Moscow, 1985, pp. 227–249. (In Russian)
5. Smit K. [Two-component theory of the aspect]. *Tipologii vida: problemy, poiski, resheniia* [Typology of the aspect: Problems, search, solutions]. Moscow, 1998, pp. 404–422. (In Russian)
6. Mehlig H. R. Hybrid Predicates in Russian. *Journal of the Slavic Linguistic Society. Slavica Publishers Indiana University*, 2012, vol. 20, no. 2, pp. 171–227.
7. Mehlig H. R. [Homogeneity and heterogeneity in space and time: On the category of verbal aspect in the Russian language]. *Revue des Études slaves*. Paris, 1994, LXVI / 3, pp. 585–606. (In Russian)
8. Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies in the Russian speech]. Moscow, 2001. 384 p. (In Russian)
9. Shiryayev E. N. [On the main syntax unit in colloquial speech]. *Teoreticheskie problemy sintaksisa sovremennykh indoevropeiskikh iazykov* [Theoretical problems of the syntax of the modern Indo-European languages]. Leningrad, 1975, pp. 130–132. (In Russian)
10. Vannikov Yu. V. *Sintaksis rechi i sintaksicheskie osobennosti russkoi rechi* [Syntax of the speech and syntactical peculiarities of the Russian speech]. Moscow, 1979. 294 p. (In Russian)
11. Melikyan V. Yu. 1) *Problema statusa i funktsionirovaniia kommunikem: iazyk i rech'* [Problem of the status and functioning of communiseme: Language and speech]. Rostov on Don, 1999. 200 p.; 2) *Aktual'nye voprosy sintaksisa russkogo iazyka: teoriia nechlenimogo predlozheniia* [Current issues of the syntax if the Russian language: Theory of the undivided sentence]. Rostov on Don, 2002. 243 p. (In Russian)
12. Dymarskiy M. Ya. [Utterance and communicativeness]. *Problemy funktsional'noi grammatiki. Polevyie struktury: kollekt. monogr.* [Issues of the functional grammar. Field structures]. St. Petersburg, 2005, pp. 292–332. (In Russian)
13. Dymarskiy M. Ya. [From the sentence models to the modelling of the utterances]. *Slavianskoe iazykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov*. Minsk, 2013. *Doklady rossiiskoi delegatsii* [Slavonic linguistics. XV International conference of the Slavonic researchers. Minsk, 2013. Proceedings of the Russian delegation]. Moscow, Indrik, 2013, pp. 308–330. (In Russian)
14. Shvedova N. Yu. *Russkaia grammatika. T. II. Sintaksis* [Russian grammar. Vol. II. Syntax]. Moscow, 1980. 709 p. (In Russian)
15. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniia* (Semantika vremeni i vida v russkom iazyke; Semantika narrativ) [Semantic research (Semantics of tense and aspect in the Russian language; Semantics of the narrative)]. Moscow, 1996. 464 p. (In Russian)
16. Smirnov I. N. *Konkretnost'/obobshchennost' situatsii v semantike aspektual'no-temporal'nykh kategorii (na materiale russkogo iazyka)*. Avtoref. dokt. diss. [Concreteness/generalisation of a situation in the semantics of the aspect-tense categories (on the base of the Russian language). Thesis of Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2011. 42 p. (In Russian)
17. Matkhanova I. P. *Vyskazyvaniia s semantikoi sostoianiia v sovremennom russkom iazyke* [Utterances with the semantics of the state in the modern Russian language]. Novosibirsk, 2001. 138 p. (In Russian)
18. Bondarko A. V. *Funktsional'naia grammatika* [Functional grammar]. Leningrad, 1984. 133 p. (In Russian)
19. Bondarko A. V. [Aspects in the analysis of the verbal categories in functional grammar]. *Glagol'nye i imennye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki: sb. materialov konferentsii 9–12 apreliia 2013 g.* [Verbal and noun categories in functional grammar: Proceedings of the conference, April 9–12, 2013]. St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2013, pp. 22–26. (In Russian)
20. Ilyenko S. G. *Sintaksicheskie edinitisy v tekste* [Syntactical units in the text]. Leningrad, 1989. 82 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 22 июня 2015 г.

Контактная информация

Дымарский Михаил Яковлевич — доктор филологических наук, профессор; dym2005@list.ru
 Dymarsky Mikhail Ya. — Doctor of Philology, Professor; dym2005@list.ru